

Василий Заботин

**СВЕЖАЙШИЕ МЕД.БЫЛИ
С КОНВЕЙЕРА ВРЕМЕНИ**

Москва

2013

УДК 82-3
ББК 84(2РОС=Рус)84
312

Заботин В.
312 Свежайшие мед.были с конвейера времени / Василий Заботин. –
М.: Книга по Требованию, 2013. – 192 с.

ISBN: 978-5-518-86453-5

УДК 82-3
ББК 84(2РОС=Рус)84

© В. Заботин, 2013
© LennexCorp., 2013

От автора

И вот я снова перед лицом читателей. Со злободневной прозой и свежим фактическим материалом. Потому что людская круговерть на конвейере времени продолжается, обрстая все новыми и новыми событиями и деталями. Требующими сепарации и расшифровки в суе: кому для руководства к действию, кому – для сведения, кому – ради простого любопытства. Кому для юмора и сарказма, а кому для сожаления и сострадания.

При всем том надо только свято верить, что высший Вселенский разум в конце концов все это приведет к логическому разрешению и реальному свершению.

За сермяжную правду моих повестей и рассказов меня пытались физически уничтожить, попросту говоря – расстрелять. Но номер не был достаточно подготовлен и не прошел. Волею судеб мне удалось уйти от пули наемного бандита.

И для защиты я немедленно с официальным заявлением обратился в отделение полиции по месту совершения преступной акции.

Мое письменное заявление немедленно официально зарегистрировали. И также немедленно и официально ответили примерно следующее: вот когда убьют, тогда и приходите. А сейчас нечего у нас попусту отнимать время. У полиции и без вас дел – выше крыши....

И чтобы я не сомневался и не лез куда не следует, вручили мне соответствующую официальную полицейскую бумажку, подписанную не самим начальником полицейского отделения, а его замом....

Эта юморная, со слезами на глазах, ситуация нашла частное отражение в канве конвеерных медбылях: в условно-собрательном образе полицейского полковника Псахоновского.

В московском отделении полиции, которым руководит доблестный полковник и сейчас (если не выбросили в мусорную корзину) лежит мое заявление с указанием позывных предполагаемого заказчика убийства....

А если от частного перейти к общему, то тогда следует акцентировать внимание читателей на том, что все конвеерные медбыли фрагментарно пока что в иносказательной образной форме, отражают и фиксируют имена живых и, в свое удовольствие и баснословное обогащение, активно противодействующих совести и справедливости, – физических лиц.

Их подлинные имена очень легко вычислить по зарифмованным в медбылях словестным созвучиям.

Более того, в некоторых, предваряющих ту или иную медицинскую быль, посвящениях, я конкретно указываю подлинные имена. отчества и фамилии их фигурантов.

Помимо всего прочего, все фигуранты легко узнаваемы в связи с тем, что пearsь, доавольно часто мелькают в СМИ и проявляют себя на разных ступенях и уровнях исполнительной власти.

Эти люди продолжают считать своим абсолютным правом повелевать и манипулировать нами, так, как кукловоды управляют безмолвными, бездушными и бестелесными куклами. В которых стреляй не стреляй, – все равно ничего не расстреляешь. Потому что они, эти куклы, не имеют работающего сердца и живой плоти.

И нужно то для этой властной управляющей и повелевающей нами людской фантазмагории совсем немного: всего то лишь только – сдаться, покориться, опустить руки и упасть на колени.

Показания свидетеля времени на суде истории

История мировой трансплантологии, как любая пространственно-временная ипостась, имеет своих, если не сказать героев, то, – выдающихся деятелей и первопроходцев. А также, свои, присущие только ей, периоды развития и застоя.

Плеяду выдающихся трансплантологов возглавляли в свое время: гениальный экспериментальный хирург Владимир Петрович Демихов и его непосредственный преемник – хирург Кристиан Бернгард, впервые в мировой медицине пересадивший сердце Вакшанскому. И с этой стартовой трансплантации сердца, в мировой медицине в бурный рост пошла научная и практическая трансплантология. ...

А Россия-матушка, родина великого Демихова, продемонстрировав мощный рывок на старте, как всегда, оказалась в последних рядах. И на последнем месте.

О Демихове, как у нас водится, практически забыли и он умер в неизвестности, оставив после себя огромное и никому в ту пору ненужное, научно-практическое наследство в тогда зачаточной трансплантологии.

Демихова даже не хотели хоронить на престижном Ваганьковском кладбище в Москве, так как считали его неиму-

щим смердом. И его почитатели, с шапкой по кругу, буквально по крохам насобирали на взятку. И, как в далекие от нас в чужой нам стране, годы – останки великого врача Самуила Ганемана, Демихова тоже похоронили по-человечески. За крупную мзду московским чиновникам. Тогда в России процветала дикая коррупция.

А сейчас ее, что – нет?

И минули долгие годы, и за рубежом трансплантология распустилась и зацвела пышным цветом....

И ученик и фаворит министра здравоохранения Бориса Васильевича Петровского – Валерий Шумаков, с его подачи двинулся за бугор – набираться ума-разума в трансплантологии.

Валерий Шумаков оказался очень прилежным и хватким интерпретатором чужеземных научно-практических разработок, и привез в СССР уже наработанную в практическом плане трансплантологию. И, под это дело, получил от министра Петровского в свое полное и безраздельное распоряжение новехонький научно-исследовательский институт, которому присвоили имя – НИИ Трансплантологии.

Он набрал к себе в штат способных к практической деятельности молодых хирургов и, как кукловод, руководя ими, и, направляя их деятельность в нужное для него русло, поставил «на поток» пересадки почек и вплотную подошел к конвейерной трансплантологии печени. Как всякий умный, хитрый и прозорливый деспот, Валерий Шумаков имел своих фаворитов-хирургов и просто нужных ему и безусловно послушных,

но бездарных в хирургии, на все готовых, работающих по принципу «чего изволите?», сотрудников.

Одним из таких хирургов из его окружения оказался некто Заур Добутия. Как оперирующий хирург, – почти что никакой, но зато безусловно управляемый, послушный и бесхребетный.

И, исходя из этих, сугубо ценных в советском медицинском мире, личных и деловых качеств, прозорливый стратег и тактик – директор Шумаков поставил Заура Добутию на пост своего заместителя по научной работе. Но чтобы хоть как то поддержать хирургический имидж, числящегося хирургом, Добутии и не выставляя его на посмешище настоящим оперирующим трансплантологам, Шумаков дозволил ему производство тогда только входящей в моду, а потому актуальной и престижной, но достаточно примитивной операции хирургической установки электронного водителя ритма человеческого сердца. Но не «на потоке», а время от времени, чтобы в операционной института, который стал теперь НИИ Трансплантологии и искусственных органов, напрочь не забыли считающего себя самостоятельным. Заслуженным и чуть ли не гениальным хирургом – Заура Добутию...

И все в НИИ Трансплантологии шло вроде бы хорошо, научно приглаженно и учтиво, но самолюбивый и накрепко возмнивший себя хирургом Добутия, возжелал чтобы ему все-таки дозволили делать большие операции, утверждающие репутацию настоящего хирурга.

Директор Шумаков, зная дефект хирургических рук Заура в сочетании с его неограниченным самомнением и чисто вос-

точной властью, воинственностью и упрямством, не решился допускать его до больших операций. Резонно опасаясь трагических летальных последствий. Возник непримиримый конфликт, и Заур, который к тому времени уже был неофициальным совладельцем ряда ресторанов в Москве с истинно грузинской кухней, располагая по этому случаю значительными денежными средствами, легко и безболезненно, с подмазкой, перешел по протекции руководителя Департамента здравоохранения города Бельцовского, аж на место директора одного из крупнейших медицинских НИИ клинического профиля. Сравнявшись, таким образом, в номенклатурном ранге с директором Шумаковым. И, образно говоря, «показав ему язык» и «утерев нос»...

Правда, для того, чтобы срочно освободить директорское место для щедрого богатея, Бельцовскому пришлось задолго до окончания официального договорного срока, взащей выгнать прежнего директора института.

Но это уже – несущественные детали. Хотя бы потому, что у любого директора всегда найдется что-то такое, эдакое – не то в его работе.

И поэтому умудренный опытом директор – тот, которого вышибли, не поднял хвост, не запитюкал поперек начальства. И поэтому остался молчуном и со всем согласным сторонним наблюдателем всех новаций нового директора с хорошей за это государственной зарплатой .

А директор НИИ Трансплантологии искусственных органов – профессор Шумаков, не жалея себя, и несмотря на свой

преклонный возраст, как истинный хирург, все оперировал и оперировал, почти не пропуская операционных дней. Он был по настоящему хороший хирург, увлеченный своим рукоделием и упертый – развивать и совершенствовать отечественную трансплантологию до беспредела.

И умер хирург Валерий Шумаков так, как должно умереть большому хирургу: полностью исчерпав хирургический свой витальный ресурс....

А Заур Добутия начал бурную административную работу, подспудная деятельность которой заключалась в том, чтобы без официального, и потому абсолютно недопустимого реперофиллирования, втихаря и не очень заметно, переделать вверенный ему институт под конвеерный форпост для трансплантолог.

Под перспективную и логически обоснованную схему: тяжелая ургентная патология – машина «Скорой помощи», – госпитализация в НИИ, – успешное лечение – плюс, безуспешное – минус, смерть и распотрашение на органы для пересадок.

Эту потаенную схему директор начал реализовывать осторожно и исподволь. Урезал традиционное для института психосоматическое отделение, и на освободившихся площадях воссоздал отделение пересадки почек. По этой же канве и кальке – наполовину урезал отделение острой и сочетанной травмы, жизненно необходимое для населения города. Ведь недостаточная травматологическая помощь – это или смерть, или увечье....

В институте замахнулись на новые, еще не отработанные никем в методическом плане – трансплантации легких и ки-